

Содержание

Введение	9
Угорь	17
Бобр	37
Ленивец	58
Пятнистая гиена	79
Гриф	92
Летучая мышь	112
Лягушка	136
Белый аист	155
Гиппопотам	175
Лось	190
Панда	205
Пингвин	224
Шимпанзе	243
Заключение	266
<i>Благодарности</i>	<i>268</i>
<i>Примечания</i>	<i>270</i>
<i>Библиография</i>	<i>286</i>
<i>Фотоматериалы</i>	<i>300</i>

Введение

«Как могут существовать ленивцы, если они такие неудачники?»

Поскольку я зоолог и основатель Общества ценителей ленивцев (Sloth Appreciation Society), мне *часто* задают этот вопрос. Иногда «неудачников» описывают развернуто: самые частые определения — «ленивый», «глупый», «медлительный». Иногда за вопросом следует дополнение: «Я думал, эволюция — это всегда “выживание наиболее приспособленных”», причем высказывается это с оттенком недоумения или, хуже того, с чувством самодовольного видового превосходства.

Каждый раз я набираю побольше воздуха и, изо всех сил сдерживаясь, объясняю, что ленивцы ни в коей мере не неудачники. Они, в сущности, изысканнейшие создания естественного отбора и сказочно успешные. Пробираются по верхушкам деревьев чуть быстрее улитки, обрастают водорослями, заселять свою шерсть насекомыми и испражняться раз в неделю — возможно, все это не соответствует вашему представлению о желаемом образе жизни, но вы и не пытаетесь выживать в условиях высокой конкуренции в джунглях Центральной и Южной Америки, а ленивцу это очень хорошо удается.

Для понимания животных главное — контекст.

Секрет чрезвычайной выносливости ленивцев заключается в их склонности к бездействию. Они ведут низкоэнергетический образ жизни, включающий набор хитроумных энергосберегающих адаптаций, оттачивавшихся

Я обожаю ленивцев. Как же не любить животное, которое рождается с неизменной улыбкой на лице и желанием обниматься!

многие тысячелетия и достойных самого эксцентричного и одаренного изобретателя. Я не буду сейчас приводить их полный список: вы узнаете все о новаторской жизни ленивца вверх тормашками в соответствующей главе. Скажу лишь, что я любитель аутсайдеров.

Репутация ленивца была опорочена настолько, что я решила: необходимо создать Общество ценителей ленивцев. (Наш девиз: «Быть быстрым — не так уж ценно».) Я проехала по фестивалям и школам с лекциями и раскрывала неожиданную правду об этом незаслуженно критикуемом существе. Клеветать на ленивца начали еще в прошлом, когда группа исследователей XVI века приклеила этому тихому вегетарианцу-пацифисту ярлык «самого глупого животного, какое только можно найти на Земле» [1]. Эта книга появилась на основе этих лекций и из потребности исправить биографии — не только ленивца, но и других животных.

Мы привыкли рассматривать царство животных через призму нашего довольно ограниченного существования. Древесный образ жизни ленивца делает его похожим на инопланетянина и одним из самых непонятых животных в мире, но он далеко не одинок в этой категории. Жизнь принимает блистательные мириады чуждых форм, и даже простейшие из них сложны для понимания.

Эволюция устроила множество великолепных розыгрышей, непредсказуемым образом создав невероятных существ, и дала мало подсказок, чтобы объяснить свои действия: млекопитающие вроде летучей мыши, которые хотят быть птицами; птицы вроде пингвинов, которые хотят быть рыбами; рыбы вроде угря с загадочным жизненным циклом, из-за которого две тысячи лет продолжался поиск невидимых гонад; несмотря на все старания людей, это пропасть, на краю которой по сей день балансируют ученые, изучающие угрей. Животные неохотно выдают свои тайны.

Поговорим о страусе. В феврале 1681 года блестящий британский энциклопедист сэр Томас Браун написал письмо своему сыну Эдварду, врачу при королевском дворе, с просьбой об очень необычной милости. Эдвард оказался владельцем страуса из стаи, подаренной королю Карлу II правителем Марокко. Сэр Томас, увлеченный натуралист, был заморожен этой крупной заморской птицей и очень хотел, чтобы сын посылал ему новости о ее поведении. Бдит ли страус, как гусь? Нравится ли страусу щавель и не нравится ли лавровый лист? Ест ли он железо? Этот последний вопрос, как он услужливо предложил сыну, можно лучше всего разрешить, обернув металл в тесто — вроде железной сосиски¹, так как «возможно, он не станет глотать его просто так» [2].

У такого зоологического обмена рецептами была определенная научная цель. Браун хотел проверить старинный миф о том, что страусы способны переварить абсолютно все, включая железо. Согласно одному средневековому немецкому ученому, страус так любит твердые предметы, что трапеза этой птицы «состоит из ключа от церковных дверей и подковы» [3]. Эмиры и исследователи Африки преподносили европейским дворам страусов, и поколения восторженных натурфилософов побуждали экзотическую птицу потрещать ножницы, гвозди и прочие скобяные изделия.

На первый взгляд это экспериментирование кажется сумасшествием, но, если копнуть чуть глубже, в этом безумии обнаружится (научный) метод. Страус не может переварить железо, но было замечено, что он глотает большие острые камни. Зачем? Самая крупная на свете птица превратилась в необычное травоядное животное, чей привычный корм, состоящий из травы и листвы кустарников, трудно переваривать. В отличие от растительноядных коллег с африканских равнин, жирафов и антилоп, у страуса нет такого желудка, как у жвачных. У него нет даже зубов. Страусу прихо-

¹ Имеется в виду конкретный вид близкого к хот-догу фастфуда — сосиска в тесте. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

дится срывать волокнистую траву с земли клювом и глотать ее целиком. Он использует добытые зазубренные камни, чтобы превращать с их помощью в мускулистом желудке волокнистую трапезу во что-то более удобоваримое. Он может ходить по саванне с целым килограммом камней в желудке. (Ученые изящно назвали эти камни *гастролитами*.)

Опять же понять страуса можно лишь в контексте. Но мы также должны понимать и контекст ученых, которые столетиями искали правду о животных методом тыка. Браун — лишь один из многих одержимых, которых вы встретите на страницах этой книги. Вот врач XVII века, который пытался добиться самозарождения жаб, сажая утку на кучу навоза (по старинному рецепту создания жизни). Вот итальянский католический священник (имя которого отлично подошло бы плохому парню из фильмов про Бонда — Ладзаро Спалланцани¹), во имя науки орудовавший ножницами, кроя специальные штанишки для своих подопытных животных или отрезая им уши.

Хотя эти персонажи являлись продуктом далекой эпохи Просвещения, ученые в более поздние времена тоже выбирали странные и часто неверные методы поиска истины, как американский психофармаколог XX века, чья любознательность подбила его допьяна напоить стадо слонов — с предсказуемо безумными результатами. Каждому веку присущи свои эксцентричные экспериментаторы, и нет сомнений, что их и дальше будет немало. Мы, люди, можем расщепить атом, покорить Луну и выследить бозон Хиггса, но, когда дело доходит до понимания животных, мы в самом начале пути.

Меня завораживают ошибки, которые мы уже совершили, и мифы, которые мы создали, чтобы заполнить пробелы в нашем понимании. Они многое говорят о механизмах открытий и о людях, которые эти открытия совершают. Когда Плиний Старший описывал гиппопотама, из шкуры которого выделяется алая жидкость, он обращался к понятным ему объяснениям — то есть к римской медицине — и представлял, что животное пускает себе кровь, чтобы сохранять здоровье (буквально «потеет кровью»). Мог ли он поступать иначе, будучи сыном своего времени? Он ошибался, но подлинное объяснение алых выделений бегемота столь же невероятно, как старый миф, — и даже в самом деле связано с самолечением.

Я обнаружила, что если препарировать величайшие мифы о животных, то зачастую выявится очаровательная логика, переносщая нас во времена чудесной наивности, когда мало что было известно и все было возможно. Ну почему бы, в самом деле, птицам не летать на Луну, гиенам — не менять пол

¹ Ладзаро Спалланцани — выдающийся итальянский натуралист, чьи опыты внесли большой вклад в физиологию и биологию в целом.

В Средние века было распространено убеждение, что каждому наземному животному соответствует такое же в море; кони и морские коньки, львы и морские львы, епископы и... морские епископы. Этого скользкого архиерея, описанного в «Истории животных» (*Historiae animalium*; 1558) Конрада фон Геснера, якобы видели у берегов Польши (но он больше похож на персонажей из «Доктора Кто»)

в зависимости от сезона, а угрям — не самозарождаться из грязи? Особенно если, как мы еще увидим, истина не менее невероятна.

Самые абсурдные мифы о животных возникли после падения Римской империи, когда в Средние века едва родившаяся наука естественная история была захвачена христианством. Это было время расцвета бестиариев — старинных сборников о царстве животных, полных позолоченных иллюстраций и серьезных описаний экзотических животных, от строфокамилов (страусов) до камелеопардов (жирафов) и морских епископов (вымышленных полурыб-полуклириков). Но бестиарии порождала отнюдь не глубокая заинтересованность в изучении жизни животных. Все они пересказывали с прибавкой от себя один-единственный источник — рукопись IV века «Физиолог» (*Physiologus*), в которой смешались сдобренный фактами фольклор и солидная порция религиозных аллегорий. «Физиолог» стал средневеко-

вым эквивалентом потрясающего бестселлера (в то время его превосходила лишь Библия) и был переведен на десятки языков, распространяя абсурдные легенды о животных от Эфиопии до Исландии.

Подобные бестиарии — чрезвычайно непристойное чтение, в них много рассуждений о сексе и грехе, что, видимо, очень нравилось монахам, которые переписывали и иллюстрировали их для церковных библиотек. Там рассказывалось о невероятных созданиях: о ласке, которая зачинает детенышей через рот, но рождает их через ухо; о зубре (или «боннаконе», как их тогда называли¹), который спасается от охотника, испуская «такие вонючие ветры, что преследователи отступают в замешательстве» [4] (с кем не бывает!); об олени, у которого пенис опадает после плотских утех. В таких сказках содержалось множество уроков, которые следовало усвоить и передать пастве. В конце концов, всех животных создал Бог, и только одно — человек — потеряло невинность. Функция животного царства в глазах книжников заключалась в том, чтобы служить примером для людей. Поэтому, вместо того чтобы задаваться вопросом, правдивы ли описания в «Физиологе», они искали у животных человеческие черты и моральные ценности, которые Бог отразил в их поведении.

Из-за этого некоторых животных в бестиариях почти невозможно узнать. Слонов, например, превозносили за то, что они самые добродетельные и мудрые, такие «тихие и кроткие» [5], что даже имеют свою религию. О них говорили, что они «питают великую ненависть» [6] к мышам, зато любят свою страну так сильно, что мысль о родной земле вызывает у них слезы. Что же до прелюбодеяния, то слоны — «самые целомудреннейшие» [7], они остаются со своими супругами всю жизнь, которая продолжается триста лет. Они с таким отвращением относятся к измене, что наказывают тех, кого ловят на ней. Все это сильно удивило бы обычного слона, который определенно наслаждается многоженством.

Попытки искать наши черты в животных и применять к ним моральные суждения продолжались и в более просвещенные времена. Возможно, больше всего по этой части грешил знаменитый французский натуралист Жорж-

¹ Описания боннакона в бестиариях не позволяют отождествить это мифическое существо с зубром или каким-либо иным реальным животным. Вероятно, ассоциация с зубром возникла из-за того, что в некоторых средневековых источниках боннакона называют также словом *bonasus*, которое с XVIII века служит видовым эпитетом в научном названии зубра (*Bison bonasus*). Его ввел Карл Линней в 1758 г., используя греческое слово βόναςος, означавшее, по мнению ряда ученых, любого дикого быка. — Прим. пер.

Луи Леклерк, граф де Бюффон, ярчайшая звезда этой книги. Великолепный граф, один из лидеров научной революции, как ни парадоксально, пытался вывести естественную историю из тени Церкви. Однако его энциклопедия — до смешного моралистическое сочинение, которое благодаря восхитительно расцвеченной прозе (в подобном стиле писалось большинство научных работ той эпохи) читается скорее как роман, а не как научный труд. Его уничижительная критика животных, чей образ жизни он не одобрял (вспомним нашего друга ленивца — та самая «низшая форма существования» [8], по мнению французского аристократа), почти столь же забавно далека от истины, как чрезмерное обожание тех животных, которых он восхвалял. Одним из его любимчиков был бобр, от тяжелых трудов которого, как вы узнаете, граф положительно потерял рассудок, и великий Бюффон превратился в какого-то буффона — если знать, как все обстоит на самом деле.

Такие антропоморфические порывы бывают и в наши дни. Панды такие хорошенькие, что поддерживают в нас стремление заботиться о них, которое подавляет способность к суждению. Нам хочется думать, что это неуклюжие мишки, стесняющиеся секса и неспособные выжить без нашего вмешательства, а вовсе не ветераны выживания, свирепо кусающиеся и склонные к беспорядочному групповому сексу.

Я изучала зоологию в начале 1990-х годов под руководством выдающегося биолога-эволюциониста Ричарда Докинза, и меня научили размышлять о мире, опираясь на генетические связи между видами — как степень родства влияет на поведение. Кое-что из того, чему меня учили, уже изменилось благодаря недавним открытиям, которые показали, что *путь*, который геном считывается на клеточном уровне, столь же важен, как и его содержание (так, у нас может быть 70% общей ДНК с червем баланоглоссом, но при этом наши званые обеды намного интереснее). Я упоминаю это, чтобы подчеркнуть: каждое поколение — включая и мое — думает, что знает о животных больше предшествующего, но на самом деле и мы часто бываем неправы. Многие в зоологии не более чем изощренные догадки.

Современные технологии позволяют нам лучше гадать. Как продюсер и ведущий документальных фильмов по естественной истории я объехала весь мир и удостоилась чести пообщаться с некоторыми из наиболее преданных делу научных умов, добывающих истину в копиях открытий. В Масаи-Мара я встречалась с человеком, который измеряет IQ животных, в Китае — с распространителем порнографии про панд, в Англии — с изобретателем, который придумал (с научной целью) «жопомер» для ленивцев, а в Шотлан-

дии — с автором первого в мире словаря шимпанзе. Я гонялась за пьяным лосем, пробовала бобровые «яички»¹, смаковала афродизиаки из амфибий, прыгала со скалы, чтобы полетать с грифами, и пыталась сказать несколько слов по-бегемотски. Полученный опыт открыл мне глаза на многие удивительные истины о животных и в целом на состояние зоологии. Эта книга — моя попытка поделиться с вами этими истинами, собрать воедино самые большие заблуждения, ошибки и мифы о животном царстве, которые мы сочинили (кто бы ни был их поставщиком — великий философ Аристотель или голливудские потомки Уолта Диснея), и создать собственный зверинец неверно понятых.

Приготовьтесь к невероятным историям. Только не ждите, что все они будут правдивыми.

¹ Очевидно, имеются в виду препуциальные железы.

Род *Anguilla*

Нет такого животного, о происхождении и существовании которого было бы так много лживых поверий и смехотворных легенд [1].

Леопольд Якоби. Угриный вопрос. 1879

Аристотеля беспокоили угри.

Сколько бы великий греческий мыслитель их ни вскрывал, он не мог обнаружить у них половые признаки. У любой другой рыбы, которую он изучал на Лесбосе, была хорошо заметная (и часто довольно вкусная) икра и явные, хотя и скрытые в теле семенники. Но угорь казался совершенно бесполом. Поэтому, когда в IV веке до н. э. Аристотель стал описывать угрей для своего основополагающего труда о животных, этот самый методичный из натурфилософов был вынужден заключить, что «угри... не рождаются ни от спаривания, ни из яиц»¹, а появляются из «так называемых земляных кишок» [2], их спонтанно порождает грязь. Он думал, что черви, которых мы видим в мокром песке, и есть зародыши угрей, появляющиеся из земли.

Аристотель был первым настоящим ученым² и отцом зоологии. Он сделал важные научные наблюдения о сотнях созданий, но я не удивлена, что угри его перехитрили. Эти скользкие типы особенно хорошо умеют скрывать свои тайны. Идея, что они появляются из земли, фантастична,

¹ Цит. по: *Аристотель. История животных* / пер. с др.-греч. В.П. Карпова; под ред. и с прим. Б.А. Старостина. М.: РГГУ, 1996.

² О том, что такое «настоящая наука», много спорят философы и историки. Существует точка зрения, согласно которой современная наука — это продукт Нового времени, Возрождения и Реформации. Она существенно отличается от того, что считали наукой как во времена Аристотеля, так и в Средние века.

но не более, чем правда, поскольку так называемый обыкновенный речной угорь *Anguilla anguilla* начинает свою жизнь икринкой, отложенной в дебрях подводного леса в Саргассовом море, самой глубокой и соленой части Атлантики. Эта живая фитюлька размером с рисовое зерно пускается в трехлетнюю одиссею к рекам Европы¹, за время которой претерпевает превращение, как если бы (я, конечно, несколько утрирую) медведка стала медведем. Затем угорь проводит десятилетия в иле² и жиреет, ибо только так он может повторить изнуряющий путь длиной шесть тысяч километров обратно к своему потайному океанскому лону, где в темных глубинах он снова отложит икру и умрет.

Тот факт, что угорь достигает половой зрелости лишь после последней метаморфозы в самом конце такой своеобразной жизни, помог скрыть его происхождение и подарил ему мифический статус. На протяжении веков попытки разобраться в этой тайне сталкивали лбами народы, приводили людей в самые отдаленные моря и мучили лучшие умы зоологии, словно бы соревновавшиеся между собой за авторство самой безумной теории происхождения угрей. Какими бы странными ни были эти теории, они не могут превзойти подлинную историю обычного речного угря, которая крайне необычна: это замечательный рассказ о нацистах, обречших угрей на голод, об одержимых искателях гонад, о вооруженных рыбаках, о самом знаменитом в мире психоаналитике — и обо мне.

В детстве я тоже была одержима угрями. Когда мне было лет семь, отец поставил в саду старую викторианскую ванну и превратил это вместилище для человеческих омовений в совершенную прудовую экосистему, быстро ставшую моим главным увлечением. Я росла любознательным ребенком и отнеслась к этому занятию крайне серьезно. Каждое воскресенье папа сопровождал меня на дренажные каналы болот Ромни Марш, где я проводила счастливые часы, выуживая разные формы жизни импровизированной подводной снастью, которую он сконструировал для меня из пары старых тюлевых занавесок. В конце дня мы триумфально возвращались, будто опьяненные рвением викторианские натуралисты, а наша подводная добыча плескалась в багажнике старого маленького пикапа, готовая к определению и помещению в водное царство. Животные поступали «каждой твари по паре»: к вечеринке в моей ванне присоединялись озер-

¹ Личинку угря (лептоцефала) несет к берегам Европы течение Гольфстрим.

² Угорь ведет достаточно активный, преимущественно ночной образ жизни, иногда, правда, действительно зарываясь в ил днем и во время зимней спячки.

ные лягушки, обыкновенные тритоны, колюшки, вертячки и водомерки. Но, увы, не угри. Моя надежная сеть подцепляла их, но удержать их слизистые тела при пересадке в ведро было все равно что хватать воду. Каждый раз они ускользали, уползая в безопасное место по земле — похожие на змей, а не на рыб. Они были неуловимыми, и поймать их стало моим наваждением.

Я тогда не знала, что, если бы я преуспела в этой миссии, угри положили бы конец моей приятной прудовой вечеринке, съев всех прочих гостей. Угри проводят пресноводную стадию своей жизни как спортсмены-экстремалы, набирающие чемпионский вес, готовясь к долгому заплыву обратно в Саргассово море для размножения. Поэтому они едят все, что шевелится — в том числе друг друга. Их прожорливость была установлена в неприятном эксперименте, проведенном двумя французскими учеными в Париже в конце 1930-х годов. Исследователи поместили тысячу угрей — молодых особей около восьми сантиметров в длину — в бак с водой. Рыб кормили ежедневно, но через год их количество сократилось до 71, правда, оставшиеся стали втрое длиннее. Еще через три месяца, после «ежедневных сцен каннибализма» [3], как об этом написал местный журналист, остался один победитель — самка длиной треть метра. Она прожила еще четыре года, пока случайно не погибла из-за нацистов, которые, оккупировав Париж, ненароком лишили ее поставок червяков.

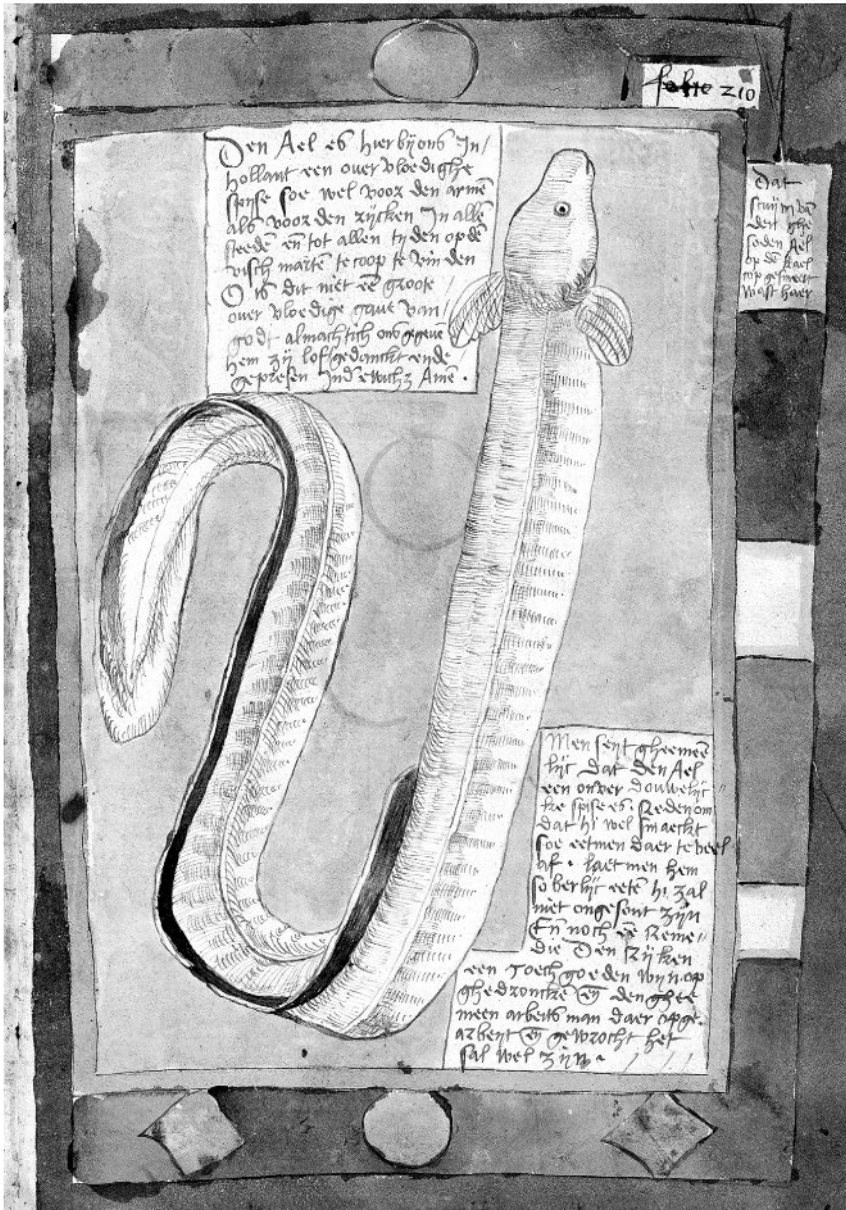
Эта жуткая история шокировала бы натуралистов прошлых столетий, которые были уверены, что угорь — добрый вегетарианец с особым пристрастием к горошку, до того сильным, что ради поисков своих любимых сочных овощей готов покинуть водный мир и выбраться на сушу. Такие свидетельства появились благодаря монаху-доминиканцу XIII века Альберту Великому, который в своей книге «О животных» (*De Animalibus*) писал: «Угорь также выходит из воды по ночам, туда, где может найти горох, бобы и чечевицу» [4]. Идеи о хипповской диете угря исследователи все еще придерживались в 1893 году, когда в «Истории рыб Скандинавии» (*A History of Scandinavian Fishes*) появились «наблюдения» монаха, сдобренные смачными звуковыми эффектами. Поместье графини Гамильтон было наводнено угрями, которые пожирали ее овощи «с чавканьем, какое производят молочные поросята во время еды» [5]. Несмотря на нехватку подобающих манер, угри вдовствующей графини отличались довольно изысканными вкусами: они «потребляли лишь мягкую и сочную кожуру» и не трогали остальное. Хотя угри и в самом деле могут прожить до сорока восьми часов без воды благодаря своей слизистой дышащей коже (приспособлению, которое дает им возможность перебраться из водоема в водоем в поисках воды при за-

сухе), рассказы о том, как они облизывают губы, воруя горошек, — откровенный бред.

Прожорливые пресноводные годы впечатляюще увеличивают размер угря, хотя, может быть, и не настолько, как хотел уверить нас античный натуралист. Рыбы эти словно специально созданы для рыбацких баек в стиле «какая с крючка сорвалась». И все-таки утверждение римского натуралиста Плиния Старшего, сделанное в эпической книге «Естественная история» (*Naturalis Historia*), что угри из реки Ганг вырастали до «тридцати футов в длину» [6] — десять метров — было дерзким преувеличением даже в таком выдавшем виды жанре вранья. Айзек Уолтон, автор рыболовной библии XVII века «Искусный рыболов» (*The Compleat Angler*), оказался более сдержанным, когда описал угря, пойманного в реке Питерборо. Он заявил, что тот был длиной «ярд и три четверти» [7], то есть около ста шестидесяти сантиметров. Уолтон стремился упредить любых скептиков, добавляя, возможно, чересчур поспешно: «Если вы не поверите мне, то отправляйтесь и посмотрите на него сами в одной из кофеен на Кинг-стрит в Вестминстере» [8] (где он, несомненно, радостно попивает капучино и потчует посетителей историями о своих юношеских приключениях в море). Более скромные измерения поступили от доктора Йоргена Нильсена [9] из Зоологического музея Копенгагена, который изучил труп угря из сельского пруда в Дании. Он сообщил Тому Форту, автору «Книги угрей» (*The Book of Eels*), что длина экземпляра-победителя составила сто двадцать пять сантиметров. К несчастью, склизкое чудовище безвременно скончалось, когда хозяин пруда убил его лопатой, сочтя угрозой для своих любимых декоративных уток.

Угри, которых ловила я, были намного мельче, не больше карандаша в длину и толщину. Они, несомненно, только начинали свою пресноводную жизнь, которая могла продолжаться от шести до тридцати лет. О некоторых известно, что они жили намного дольше. Возраст шведского представителя вида — самки по кличке Путте, пойманной молодой возле Хельсинборга в 1863 году и содержавшейся в местном аквариуме, — перевалил за восемьдесят восемь лет. Ее смерть широко оплакивали в прессе, а ее возраст, побивший все рекорды, принес ей статус знаменитости, обычно недостижимый для длинной скользкой рыбы.

Такие угри-долгожители не смогли реализовать свое стремление мигрировать обратно в море: они содержались в неволе, часто в качестве питомцев. Выбор угря в качестве животного-компаньона может показаться необычным — с ним не очень-то пообщаешься, но римский оратор Квинт Гортензий, говорят, плакал, когда умер его угорь, «которого он долго держал

Угорь в справочнике о рыбах Эдриена Коэнена (1577) — настоящий монстр, доходивший до чудовищных «40 футов» (чуть больше 12 метров) в длину, то есть он подрос еще на 10 футов (около 3 метров) с того времени, как его описал римский натуралист Плиний Старший

и сильно любил» [10]. Все это несколько облегчает мое разочарование, что я так и не преуспела в поимке угря, а ведь могла бы и по сей день быть с ним повязана.

Пресноводное существование угря может быть долгим и прожорливым, но это лишь одна из многих жизней этой рыбы (хотя и единственная очевидная для меня и бесчисленного числа других натуралистов всех столетий). Однако у нас нет ключей к остальным частям его жизненного цикла — рождению, воспроизводству и смерти, — все они скрыты в море и настолько отличаются, что привели к интернациональным поискам таинственных гонад угря, продолжавшимся около двух тысяч лет.

Аристотель был одним из первых, кого происхождение этой, казалось бы, бесполой рыбы поставило в тупик. Он уложил рождение угря в свою теорию самозарождения, которую свободно применял к разного рода тварям — от мух до лягушек, чье быстрое размножение казалось необъяснимым. Несколько столетий спустя Плиний Старший прервал компилирование текстов своих греческих предшественников, чтобы включить собственное воображение в деле размножения угрей; он предположил, что угри воспроизводятся, отираясь о камни: «Угри трутся о скалы; их оскребки оживают»¹. Надеясь поставить точку в данном вопросе, римский натуралист заключил с авторитетным росчерком: «И только так они производят потомство» [11]. Но несексуальные фрикции Плиния оказались не более чем фикциями.

В последующие столетия фантастические толки о размножении угря плодились как кролики. Говорили, что угри появляются из жабр других рыб, из свежей утренней росы (но только в соответствующие месяцы), из загадочных «электрических возмущений» [12]. Один «почтенный епископ» сообщил Королевскому обществу, что видел молодых угрей, которые рождались из покрытия кровли [13]. Икринки, заявил он, прилипли к тростнику, которым покрыли крышу, и там их инкубировало солнечное тепло. Не все церковные натуралисты столь доверчиво относились к таким скользким рассказам. В своей «Истории английских знаменитостей» (*History of the Worthies*) Томас Фуллер презрительно высказался об одном поверье, распространенном на болотистых землях Кембриджшира, что незаконные жены и дети священников для избегания осуждения принимают форму угрей. Это, заявлял он, явная «ложь». Чтобы подчеркнуть серьезность такого

¹ Эта и следующая цитаты даются в переводе Г. С. Литичевского. Цит. по: *Плиний Старший*. Естественная история. Книга IX. М.: Наука, 1995. Вып. 1. С. 141–190.

дела, он рассудил так: «Нет сомнения, что первый, кто пустил столь злостный слух, давно уже получил свою награду» [14]. Возможно, прожив остаток жизни в виде слизи.

Ученые Просвещения отменили подобные изысканные сюжеты в пользу менее нелепых — но не ставших от этого более верными — собственных теорий. Антони ван Левенгук, нидерландский первопроходец микромира, открывший бактерии и кровяные тельца, заблуждался более правдоподобно, выдвинув в 1692 году гипотезу, что угри, подобно млекопитающим, *живородящи*, то есть их яйца оплодотворяются внутри тела, а самки рожают живых мальков. Ван Левенгук по крайней мере использовал современный научный метод, основывая свое предположение на реальных наблюдениях. Он заглянул в свое увеличительное стекло и увидел то, что показалось ему мальками угрей в полости, которую он счел рыбьей маткой. К сожалению, эти предполагаемые новорожденные на самом деле были паразитическими червями, сидящими в плавательном пузыре угря, которых еще за две тысячи лет до того наблюдал Аристотель, признавший их не имеющими отношения к вопросу.

Шведский ботаник и зоолог XVIII века Карл Линней также утверждал, что угри живородящие, поскольку он видел то, что счел личинками угрей внутри взрослой самки. Конечно, с великим отцом систематики никто не стал бы спорить — тем более с таким педантом. Но выбора не осталось, когда всплыло, что знаток классификации перепутал виды рыб. Неприятная правда состояла в том, что Линней на самом деле вскрыл не угря, а похожую на него рыбу бельдюгу, действительно живородящую, но даже не родственную угрям. Это не значит, что критики располагали более надежными фактами. Один авторитетный ученый, который пересматривал работу Линнея, уличил его в неразберихе с видами, отправив теорию живорождения в сточную трубу ошибок и путаницы, но под влиянием Аристотеля объявил настоящих молодых угрей, открытых шведом, паразитическими червями.

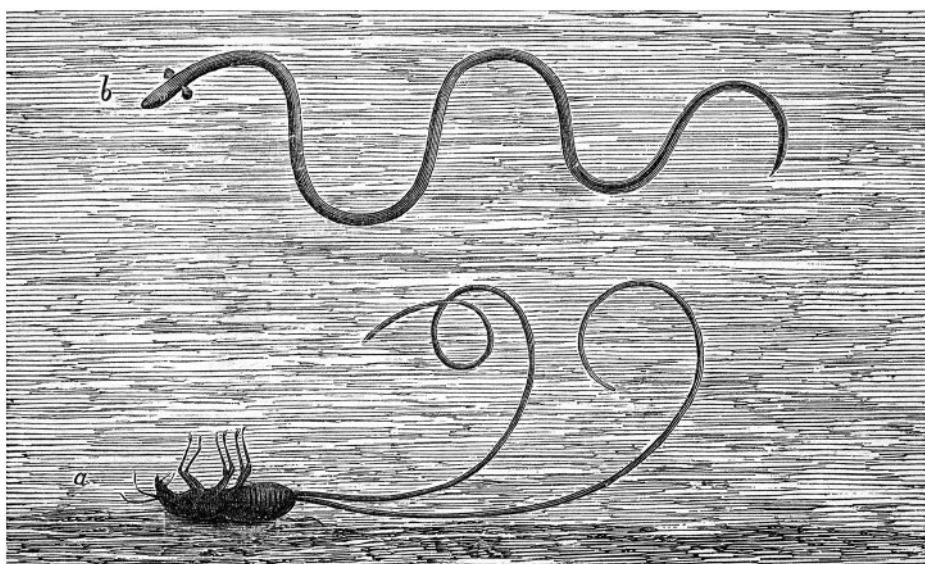
В эту высокоученую перепалку вступил смелый аутсайдер. В 1862 году шотландец Дэвид Кэрнкросс объявил миру, что он, скромный заводской инженер из Данди, наконец разрешил загадку угря, которая не давала покоя поколениям философов и натуралистов. «Сразу можно известить читателя, что... породитель серебряного угря — это маленький жук» [15], — заявил он с самоуверенностью истинного невежды. Его восторженная, хотя и совершенно ненаучная теория — итог шестидесяти лет экспериментов, проводимых им за собственный счет, — легла в основу небольшой книжки «Происхождение серебряного угря» (*The Origin of the Silver Eel*).

Кэрнкросс начал свой трактат с извинения за отсутствие интереса к изучению правил и норм современной ему науки. «От меня не стоит ожидать, что я знаком с именами и терминами, используемыми натуралистами при классификации различных животных, мои знания таких книг ограничены» [16], — отмечал он, как бы защищаясь. Его неординарное, но очень удобное решение заключалось в «использовании собственных названий и терминов» [17]. В результате царство животных было преобразовано в три бессмысленных класса, что заставило бы великого Линнея перевернуться в гробу, а тем, кто попытался бы разобраться в и без того умопомрачительной теории шотландца, успешно создало дополнительные трудности.

Путь к открытию Кэрнкросс начал в нежном возрасте десяти лет, когда он наблюдал несколько «волосяных угрей» (*hair eels*) [18] (его термин) в открытой сточной канаве. «Откуда они могли взяться?» — задался он вопросом. Приятель поведал ему распространенное народное поверье, что молодые угри «выпадают из конских хвостов, когда лошадей поят; а вода их оживляет» [19]. Юный Кэрнкросс посмеялся над этим невероятным объяснением, пока его воображение не породило собственную, столь же неправдоподобную идею, на которую его навело множество дохлых жучков, найденных на дне той же канавы. Может, эти два животных как-то связаны? Это завораживающее зрелище не отпускало шотландца двадцать лет. «Часто мой разум возвращался к этой тайне», — вспоминал он [20].

Затем как-то летом взрослый Кэрнкросс заметил знакомого жучка в своем саду в Данди. Он внимательно наблюдал за ним, пытаясь прочесть мысли насекомого, которое тем временем решительно подошло к луже и нырнуло. Жук, сообщил автор, прежде чем принять ванну, «посмотрел по сторонам в очень тревожном состоянии» [21]. Как Кэрнкросс диагностировал психическое состояние жука, неизвестно. Но единственная иллюстрация в книге дает читателю ценную подсказку в осмыслении следующего необыкновенного хода насекомого: под названием «жук в процессе порождения» [22] там был изображен непривлекательный герой Кэрнкросса, лежащий на спине с чем-то вроде двух лассо, выходящих из его задней части. Жук, согласно шотландцу, породил двух рыб.

Для Кэрнкросса это был момент истины, эврика. Теперь он посвятил себя продолжению расследования, вскрывая жуков, удаляя «волосяных угрей» и поддерживая их жизнь разное, хотя и весьма ограниченное время. Он спокойно признавал, что его теория «может показаться странной», но успокаивал себя, глядя на поведение «представителей царства растений» [23]. Если один вид деревьев можно привить на другой, «разве не может тогда

На случай, если вам сложно представить, как жук может породить пару угрей, в «Происхождении серебряного угря» имеется такая очаровательная иллюстрация, призванная подтвердить дикие заявления автора. Хорошая попытка, Кэрнкросс, но я так и не убедилась

«Великий Творец-Садовник привить чужую природу на таковую насекомого?» — размышлял он [24].

Современные лаборатории породили всевозможных «животных Франкенштейна»: человеческие уши пересаживали мышам, светящиеся в темноте рыбки были созданы добавлением генов медузы. Но «Великий Творец-Садовник» не прилагал к ним руку.

Если бы Кэрнкросс задал свой вопрос в научном сообществе, ему бы объяснили, что его «волосяные угри» — лишь очередные мерзкие паразитические черви, а не рыбы на ранней стадии развития. Но заводской инженер не слышал о научном рецензировании. Он представил свои исключительные находки не в Королевское общество для серьезного рассмотрения, а паре фермеров, с которыми он столкнулся и которые были тоже озабочены количеством серебряных угрей в канаве на их земле. Им-то он и изложил свою теорию о том, что это изобилие угрей вылезло из ануса жука, и был польщен реакцией фермеров. «Они мне поверили, — гордо объявил он, — и возрадовались, что тайна раскрыта» [25].

Несмотря на энтузиазм местных фермеров, теория Кэрнкросса не смогла изменить магистральное направление в исследовании угрей. Грызя гранит науки в интеллектуальной изоляции шестьдесят с лишним лет, он

не знал о значительном прогрессе в охоте за рыбьими гонадами. Вдали от Данди научная интеллигенция Европы была захвачена «угриным вопросом» и почти достигла кое-какой кульминации.

Впереди всех были итальянцы, которые восприняли задачу нахождения отсутствующих половых органов угря за неожиданный источник гражданской гордости для своей беспокойной нации.

У итальянцев с угрями сложились долгие отношения, которые в основном заключались в том, что одни поедали других в больших количествах. Угорь — довольно жирная рыба. Такое эволюционное приспособление помогает ему в одиссее на шесть тысяч километров обратно к нерестовым территориям в глубинах Саргассова моря. К несчастью для угря, высоколипидное содержимое делает его особенно вкусным, и это качество не осталось незамеченным. Марк Габий Апиций [26], автор одной из первых в мире кулинарных книг¹, советовал подавать рыбу под соусом «с сушеной мятой, плодами руты, вареными желтками, перцем, любистком, медом, уксусом, гарумом² и оливковым маслом» [27]. Мы в Англии по-прежнему предпочитаем есть угрей просто вареными и в желе, что, конечно, является одним из величайших преступлений против гастрономии, совершенных британцами за долгую и славную историю убийства живых существ ради приготовления пищи. И все же, несмотря на такие неудобоваримые рецепты, угри долго ассоциировались с большими пирами и чревоугодием. Леонардо да Винчи писал апостолов, наслаждавшихся угрями на Тайной вечере, а смерть печально знаменитого обжоры папы Мартина IV приписывали неумеренности в потреблении скользкой рыбы.

Самые вкусные угри, по слухам, поступали из Комаккьо и прилегающих к нему обширных серых болотистых земель дельты крупной реки По. Это было место самого крупного в Европе промысла угрей, где в разгар сезона добывали по три сотни тонн рыбы за ночь, а заодно источник самых громких утверждений и противоречивых мнений о половой принадлежности угрей. Началось все в 1707 году, когда местный хирург заметил среди тысяч пойманных угрей одного необычайно толстого. Проведя вскрытие, врач посчи-

¹ Книгу *De re coquinaria*, о которой идет речь, традиционно приписывают Апицию, однако очень многие историки считают, что он этой книги не писал. Относительно ее авторства идут споры, для простоты автора продолжают иногда именовать Апицием, но лишь условно.

² Гарумом назывался специфический древнеримский продукт ферментации мелкой рыбы, сходный с известными сейчас рыбными соусами Юго-Восточной Азии и Японии, а также с итальянским *Colatura di alici* и основным компонентом английского вустерского соуса.

тал, что увидел яичник, набитый зрелой икрой. Беременная рыба была передана другу врача, уважаемому натуралисту Антонио Валлиснери, который поспешно объявил, что многовековой поиск интимных мест¹ угря наконец закончился. В честь профессора свое научное название получило водное растение, которое по-английски в обиходе именовалось «угриной травой»², но открытие половых органов самки угря не стало ассоциироваться с Валлиснери. При более тщательном изучении находку забраковали как всего лишь большой и растянутый плавательный пузырь.

Попытка Валлиснери вдохновила итальянскую научную мафию, которая теперь считала «делом чрезвычайной важности найти настоящие яичники угря» [28]. Это были беспокойные времена для самоопределяющейся нации, поскольку полуостров был тогда оккупирован иностранными силами. И, пока многие итальянцы возлагали свои националистические надежды на революцию, эта небольшая группа интеллектуалов мечтала укрепить дух соотечественников, предъявив права на неуловимые гонады восхитительного угря.

Профессора разработали план. Каждый день вокруг Комаккьо ловили тысячи угрей; все, что нужно было сделать, — предложить заманчивое вознаграждение первому рыбаку, который сможет предоставить им особь вместе с икрой. В Германии конкурирующий план потерпел неудачу, когда натуралист, который его замыслил, получил так много угриных потрохов по почте, что «в слезах умолял о помиловании» [29]. Итальянская схема, однако, быстро принесла положительные результаты — по крайней мере, так казалось. Ликование закончилось, когда обнаружилось, что хитрый рыбак просто набил своего угря икрой другой рыбы.

Этот удар ниже пояса пригасил страсть итальянских профессоров к угрям лет на пятьдесят. Затем, в 1777 году, на берега Комаккьо шлепнулся свежий жирный, склизкий подозреваемый. Его немедленно изучил анатом Карло Мондини, профессор из расположенного неподалеку Болонского университета, который пришел к оригинальному заключению: извилистые ленты в животе рыбы были не краями жировой ткани, как предполагалось раньше, а неуловимыми яичниками самки угря.

Итальянские ученые возрадовались — возможно, опять преждевременно. В конце концов, еще не были найдены семенники угря и не было никакого ясного представления о том, как воспроизводится эта загадочная

¹ Имеются в виду гонады. — *Прим. науч. ред.*

² Eelgrass (англ.) = *Vallisneria* (лат.), род многолетних растений семейства Водокрасовые. — *Прим. пер.*